

КИРА ИЗМАЙЛОВА

ШКОЛА
СПЯЩЕГО
ДРАКОНА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на обложке
С. Дудина

Измайлова, Кира Алиевна.

ИЗ7 Школа спящего дракона / Кира Измайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-101428-5

Что делать, если, открыв поутру глаза, ты видишь над собой не знакомый потолок, а роскошный балдахин? А если тело немного похоже на твое, но явно принадлежит другой женщине? Счастье, что память ее досталась тебе... правда, вместе со всеми проблемами! Отныне ты не бывшая учительница Вера Усольцева, а Гайяри Соль Вэра, младшая дочь советника Императора.

И ты фактически в изгнании, потому что дар твой слишком опасен. Хотя в школе Примирения на краю света ты больше не доставишь хлопот. Или нет? Ведь в школе этой творится что-то очень и очень странное, и причиной этому не только твое появление...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Измайлова К.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101428-5

Глава 1

Вера проснулась как обычно, в половине шестого утра. Можно было спать и подольше, но она предпочитала неторопливо сделать зарядку, принять душ, собраться и — с учетом всех пробок — прибыть на работу до начала рабочего дня, чтобы успеть приступить к делам без суматохи и спешки. Это начальство не опаздывает, а задерживается, рядовым же сотрудникам подобное не дозволено.

Странно только, почему так светло? Поздней осенью в такую рань за окном разве что фонари увидишь, никакого солнца, а сейчас даже под натянутое на голову одеяло пробивался свет.

Может быть, она забыла погасить люстру на ночь? Так нет же, точно щелкнула выключателем, улеглась, потом уже в темноте встала притворить форточку, ударилась мизинцем о ножку стула и долго шипела от боли. Да и не уснула бы Вера при верхнем свете, даже в своем уютном коконе!

«Наверно, инопланетяне подлетели поближе и светят прожектором мне в окно», — усмехнулась про себя Вера и решительно оторвала голову от подушки, так что одеяло сползло на плечи.

Подушка была незнакомая. То есть до такой степени незнакомая, что Вера осторожно потрогала ее — нет, не мерещилось. Набита подушка была, наверно, каким-то высококачественным наполнителем: она казалась изумительно легкой, мягкой, но и упругой, легко проминалась и тут же обретала прежнюю форму. Если бы еще не ослепительной красоты наволочка, при взгляде на которую начинало рябить в глазах! Шелковистая, приятная на ощупь ткань скользила под пальцами, вот только окрашена была в цвет... цвет... Первыми на ум почему-то пришли бензиновые разводы в луже, но Вера подумала и решила, что хвост павлина-мутанта тоже подойдет для сравнения.

Вера опустила глаза и обнаружила, что одеяло тоже переливается всеми цветами психоделической радуги, только с преобладанием не лилового с ярко-розовым, а зеленого и лимонно-желтого. От этого сочетания заныли зубы.

Но гораздо больше, чем странное постельное белье, Веру поразил интерьер абсолютно незнакомой комнаты. По правде говоря, очень захотелось зажмуриться: в привычную картину мира никак не вписывалась широченная кровать под золотистым балдахинном с кистями, белый пушистый ковер, тяжелые портьеры, сводчатый потолок (даже с росписью, насколько удалось разглядеть Вере, опасно свесившись с кровати)... Надо ли говорить, что таких вот тяжеловесных кресел и внушительных книжных шкафов (по виду — из массива дерева)

у Веры никогда не было? Не говоря уже о туалетном столике с инкрустацией перламутром, позолоченном трюмо... Наверняка в комнате имелось еще что-то, но балдахин мешал рассмотреть, а вставать с кровати Вера попросту боялась.

Зато стало понятно, откуда столько света: поистине королевское ложе окружали канделябры, в которых на удивление ровным и ярким пламенем (к несчастью, тоже разноцветным) горели свечи. Вера представила, что могло бы случиться, вскочи она спросонья и опрокинь канделябр на постель, и поежилась. Что-то подсказывало ей, что огнетушителя в этой громадной спальне нет, разве что кувшин с водой найдется. Да, кстати, вон он, еще на одном столике. Тоже позолоченный (а может, и вправду золотой), с тонкой чеканкой в виде райских птиц, украшенный самоцветами...

Тут Вера спохватилась и поискала очки. Она всегда клала футляр под подушку, но теперь его там, конечно же, не оказалось. На носу очков тоже не было — Вера, привыкнув носить их постоянно, иногда и засыпала в них, две оправы так сломала. Но ведь без них она вряд ли различила бы эту самую чеканку на кувшине и роспись на потолке! Изображены там были клубящиеся тучи, прорезанные молниями, огромные крылатые силуэты, замки на скалах — словом, в уменьшенном виде сошло бы за скриншот из компьютерной игры или рисунок для обложки какого-нибудь фэнтезийного романа. И, к счастью, живописец работал

в традиционной манере, так что взгляд на потолок успокаивал.

«Мне это снится», — подумала Вера, ущипнув себя за руку.

Руки тоже были чужие: запястья уже, пальцы длиннее и тоньше. Такие кисти почему-то наводили на мысли о ловчей птице или злобной старой ведьме, особенно если хищно скрючить пальцы. Вдобавок Вера никогда не носила подобного маникюра: во-первых, в госучреждении не принято, во-вторых, не по возрасту (не девочка-подросток уже!), в-третьих, как посуду-то прикажете мыть с замысловато расписанными и позолоченными ногтями такой длины? Да и стоит подобное удовольствие недешево... Мало позолоты — в ноготь на среднем пальце продето крохотное колечко с блестящим камушком! Возможно, не стразиком.

Так или иначе, эти руки явно никогда не знали домашней работы.

И татуировок у Веры не было. Ну, в подростковом возрасте, помнится, они с приятельницами разрисовывали кожу шариковыми и гелевыми ручками, лепили переводные картинки с азиатскими драконами и непонятными иероглифами, но то когда было-то? Теперь же тыльную сторону кисти сплошь покрывал замысловатый тонкий узор. Обвив запястья, он уходил выше, к локтям и, похоже, достигал плеч. А может, и не только...

Вера окончательно сбросила одеяло, чудом не зацепив ближайший канделябр. Одежды на ней не

оказалось, и это само по себе было странно: Вера очень не любила спать раздетой. Не потому, что считала это неприличным, просто не слишком приятно, когда с утра пораньше по твоей голой спине гарцует увесистый кот, а стоит дернуться, впивается всеми когтями, чтобы удержаться!

Она зажмурилась, вздохнула поглубже, открыла глаза и внимательно посмотрела на себя.

Тело явно принадлежало кому-то другому, никак не Вере. Слишком гладкая кожа, слишком длинные ноги, слишком... гм... выразительная интимная стрижка. И татуировка на всей видимой поверхности кожи: как Вера и предположила, на плечах узоры не заканчивались.

Не выдержав, она встала и подошла к роскошному трюмо — босые ноги утопали в ковре по щиколотку, — посмотрела на себя уже в зеркало...

И осела на пуфик.

Удивительно, но отражение очень походило на нее, какой она была в юности: рослая, «справная», как говаривал дед. Осанка — королеве в пору, плечи гордо расправлены, не ссутулены из-за многолетней сидячей работы. Фигура... С такой фигурой прямой путь в фотомодели! Хотя нет, сейчас в моде другой типаж, а такие статные девицы когда-то хорошо смотрелись на плакатах или там картинах Дейнеки...

Волосы — копна непокорных темных кудрей, в свете свечей отливают медным блеском. Морочки, должно быть, с этакой гривой! У Веры ког-

да-то была коса ниже пояса, она хорошо помнила, сколько с ней возни.

Лицо... Симпатичное лицо, даже очень. Интереснее, чем у Веры, во всяком случае: с широкими скулами, твердым подбородком, большими карими глазами и красиво очерченными губами. А вот нос такой же, вызывающе вздернутый. И брови густые, широкие... Впрочем, это-то как раз сейчас модно.

«О чем я думаю?! — спохватилась Вера. — Какие фотомодели, какие брови? Где я и почему я — не я?! Может, я сошла с ума? Или мне это снится?»

Она еще раз огляделась по сторонам. Нет, таких ярких и подробных снов она никогда не видела... Вдобавок щипки не помогли проснуться. Вот разве что... Вера вздохнула и сунула палец в огонь свечи.

Пламя не обжигало.

«Точно, свихнулась, — подумала она, глядя на свою руку. Маленький огонек переселился на длинный ноготь и теперь мерцал на нем, угрожая погаснуть. Вера сжалилась и посадила его обратно на фитиль. — А может, нет? А просто... Как это в кино бывает — раз, и проснулась в другом месте, в другом теле... Понять бы только в чьем? И почему именно я?»

Впадать в панику Вера не собиралась, это противоречило ее натуре. Если она внезапно сошла с ума, то ее с большой долей вероятности вылечат. А нет — тогда она останется в мире грез, где пока

достаточно уютно. Если же перемещение в самом деле состоялось, тогда и вовсе нет смысла бить кулаками по стене и просить вернуть тебя назад.

Позвать кого-нибудь? Какое там! Вера опасалась нашуметь: неизвестно, кто обитает за стеной... Только и оставалось, что размышлять про себя. Это было делом привычным — она частенько вела с собой длинные мысленные диалоги что дома, что по дороге на работу. Вслух как-то неловко, в особенности в транспорте, а так — отчего бы и не поговорить с понимающим человеком?

«Попала я куда-то или сошла с ума — не важно, — решила Вера, поразмыслив. Пока можно думать, что это затянувшийся сон. Ну и посмотреть, что тут к чему... Когда еще такое приснится!»

В комнате было тепло, даже слишком, по ее мнению, хотя как тут устроено отопление, Вера не знала. На виду ничего вроде камина (а именно он лучше всего подошел бы к такой обстановке) не было. Так или иначе, но разгуливать совершенно нагой не хотелось: а ну как войдет кто-нибудь?

На кресле нашелся небрежно брошенный... нет, назвать халатом это произведение искусства из полупрозрачной нежнейшей ткани язык не поверачивался. И если бы не все та же кошмарная расцветка... Казалось, кто-то искупал леопарда в радуге!

Задрапировавшись в пеньюар, Вера подошла к окну и, осторожно раздвинув портьеры, выглянула наружу. Обычно в городе несколько окон све-

тятся даже в такую рань, виден свет, на лестничных пролетах горят фонари. Но нет! Снаружи царила абсолютная темнота, да еще и дождь лил, судя по звуку. Или не дождь, почему-то подумала Вера, прислушавшись. Скорее уж град барабанил.

Рамы тут были с частым узорчатым переплетом в палец толщиной. Замысловатые завитушки блестяли позолотой, но что-то подсказывало: красота красотой, а разбить это окно и высадить раму не так-то просто. Стекло тоже толстое, видно, если присмотреться как следует. Радовало, что задвижки и ручки внутри имелись, стало быть, открыть окно при желании все-таки можно. Но, вероятно, не нужно, рассудила Вера, задвинула портьеру и принялась осматривать комнату.

Туалетный столик: понятно, уйма баночек и душистых флакончиков, большая шкатулка, из которой вываливаются украшения — крупные, брошкские. Ну, к такой внешности они должны подходить.

Ворох одежды громоздился во втором кресле, на стуле, даже на полу — очевидно, хозяйка комнаты не отличалась аккуратностью. По ковру разбросаны туфли — поди еще найди пару! А вот и гора книг — почему-то за креслом, словно кто-то читал, сидя в нем, и бросал тома себе за спину. Вера подобрала один фолиант: он был тяжеленным, в окованном металлом переплете — таким и убить можно, если огреть с размаху. Непонятные пятна возле застежки — то ли ржавчина, то ли засохшая

кровь — наводили на такие нехорошие подозрения... Содержимое тома — тем более. Хватило пары иллюстраций, чтобы быстро захлопнуть книгу и положить на место. Прочитать ничего не успела, но, судя по всему, там описывалось, как именно производить изображенное на рисунке выворачивание человека наизнанку при помощи каких-то изуверских приспособлений.

«Письма! — сообразила Вера. — Или нечто в этом роде... Должна же найтись хоть записочка, хоть что-то?»

Она огляделась в поисках письменного стола или чего-нибудь вроде секретера. Но чего не было, того не было. Может, эта татуированная девица, чьими глазами сейчас смотрит Вера, неграмотная? И комната вовсе не ее? Тогда непонятно, правда, что тут делают книги в таком количестве. Но объяснение придумать легко: вдруг супруг или покровитель девицы любит почитать перед сном трактат о пытках, пока ему делают массаж стоп? Получает от процесса двойное удовольствие, а потом закрепляет результат на этой вот монструозной кровати?

Вера потрясла головой, прогоняя дурацкие мысли, и снова осмотрелась. Ну не бывает же так, чтобы ничего, ни единого клочка бумаги...

Взгляд упал на небрежно откиннутое одеяло. Показалось или из-под его края что-то белело?

Вера коршуном рухнула на кровать и схватила... да, это действительно оказался лист бума-

ги! Или не бумаги — она была очень плотной на ощупь и будто бы бархатистой, не белой, скорее цвета слоновой кости с заметными темными прожилками.

Так или иначе, это походило на письмо. Вот заголовков, внизу размашистая подпись, вот только... только...

Она повертела лист так и сяк, но что проку? Да, она определенно видела буквы (почему-то сразу вспомнились «пляшущие человечки»), они повторялись и складывались в слова, вот только Вера не могла их прочесть!

«Ну как же так-то? — мелькнуло в голове. — Во всех этих сказках путешественницы по мирам непременно понимают местный язык или быстро обучаются! Если окажется, что я не только читать-писать разучилась, но и с людьми объясниться не могу... Невеселый получится сон, вот что!»

Она вдохнула поглубже, чтобы успокоиться, выдохнула, встала и взяла книгу в переплете поскромнее (и без иллюстраций). В этой буквы совсем не походили на «пляшущих человечков», они были острыми и угловатыми, а читать, похоже, предполагалось сверху вниз. В другом томе буквы оказались уже знакомыми, но прочесть напечатанное (тут уже додумались до печатного станка, машинально отметила Вера) не вышло. Третья, тонкая книжица, видимо, служила справочником: содержимое представляло собой подобие таблиц, сплошь исчерканных разными черни-

лами. Судя по потрепанному виду и отпечаткам пальцев на страницах, этим справочником пользовались часто (в том числе, видимо, за едой). На форзаце, кстати, Вера нашла размашистую подпись — точно такую же, как в письме. Вот и гадай, то ли девушка подписала свою собственность, то ли кто-то другой, чье письмо она читала перед сном?

«Нет, так не бывает, — серьезно сказала себе Вера. — Надо мыслить логично. Родной язык я не забыла? Я же на нем думаю? Или нет?»

Писать было нечем, пришлось подышать на зеркало и вывести свое имя пальцем. Странное дело: это удалось не без усилия, словно чужая рука не знала, как изобразить всего-то четыре буквы! С английским было еще сложнее, но Вера, тем не менее, справилась.

«Выходит, так, — сказала она себе. — Тело чужое, рефлекс у него другие. Наверно, оно умеет писать по-своему, а выводить наши буквы ему сложно, все равно как мне — арабскую вязь. Прекрасная догадка, поздравляю... А дальше-то что делать?»

Она села на край кровати, снова взяла письмо и попыталась уловить какую-нибудь закономерность. Знаменитый сыщик непременно сказал бы, что вот такая закорючка повторяется чаще остальных, значит, скорее всего, это такая-то гласная. А эта не иначе редкая согласная. Но так можно расшифровать тайнопись, основанную на

соответствии придуманных значков буквам знакомого алфавита, а не записку на совершенно чужом языке!

«Это, наверно, «здравствуй», — подумала Вера, водя пальцем по бумаге. — Или «приветствую». А может, «целует пыль у твоих ног, о великий царь, твой ничтожный раб». Но с тем же успехом это может оказаться «приветики, как делишки»?»

Ничего не поделаешь: придется ждать утра, когда кто-нибудь придет и заговорит с ней. И надеяться, что Вера (знать бы еще, как эту девушку зовут!) его поймет. А если нет... Наверно, окружающие решат, что она сошла с ума, опоена каким-нибудь зельем или даже заколдована — поди узнай, что тут в ходу? Может быть, попробуют привести в себя, а может, запрут от греха подальше. Если эта девушка из знатной богатой семьи, то подобный случай не станут предавать огласке, чтобы не навредить репутации родни. Заболела и заболела, затем скончалась от неведомого недуга, дело житейское! Правда, неожиданно потерявшую рассудок девушку можно использовать, чтобы обвинить в этом несчастье кого-нибудь подходящего, но ей самой от этого легче не станет.

Ну а если эта красотка сама себе хозяйка или же находится на содержании у кого-нибудь, то... возможны варианты. Она ведь не сделалась буйной, на людей не кидается, а что слов не понимает — жестами можно объясниться. Вдобавок она и рассказать ничего не сумеет, раз языка не знает...

Вера представила, что могут сотворить люди с фантазией, угоди к ним в руки несчастная сумасшедшая, и невольно поежилась. И у нее-то дома творили всякое, хоть новости вовсе не читай и телевизор не включай: непременно расскажут в какой-нибудь сводке о женщине, которую держали в подвале на цепи и всячески измывались. Редко кому удавалось выбраться, а скольких вообще не нашли? К примеру, таких вот: немых, не совсем здоровых на голову, тех, кого некому было хватиться? И это в современном мире, а здесь, должно быть, нравы еще проще... Ну и какая разница, где будет происходить подобное: в грязной лачуге или в такой вот варварски роскошной комнате?

«Лучше бы мне проснуться, — подумала Вера, невольно шмыгнув носом, — да-да, проснуться, понять, что это просто кошмар, пойти в душ... Позавтракать — и на работу, и пусть Кобра Сергевна шипит сколько угодно, я ее уже расцеловать готова! И даже остаться сверхурочно!»

Она снова всхлипнула от жалости к себе, подняла руку, чтобы утереть глаза, но замерла — ее парализовало вспышкой нестерпимо острой боли. Словно раскаленная спица вошла под лопатку, сделалось нечем дышать. Вера хотела крикнуть, но голоса не было... Письмо выпорхнуло из разжавшихся пальцев и упало на пол. Вера успела еще почувствовать, как, падая навзничь, ударилась головой о столбик балдахина, а после этого наступила темнота...